

УДК 12.09.09+03.23.07

## ТВОРЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ А.Ф. ЛИХАЧЕВА: ОТ КОЛЛЕКЦИОНЕРА К УЧЕНОМУ

*К.А. Руденко*

### Аннотация

В статье интерпретируется исследовательский метод казанского коллекционера А.Ф. Лихачева, который вошел в историю культуры Татарстана как оригинальный коллекционер-исследователь, пытавшийся превратить археологические артефакты в исторический источник. Доказывается, что в основе его разработок лежит глубокое знание археологических предметов собственной коллекции, хотя профессиональным археологом он не был. Главной заслугой А.Ф. Лихачева следует признать то, что он на всероссийском уровне показал возможности и достижения провинциальной науки.

**Ключевые слова:** А.Ф. Лихачев, А.А. Штукенберг, П.И. Кротов, Н.Ф. Высоцкий, коллекционирование, собрание, археология, нумизматика, краеведение, музей.

Личность казанского коллекционера Андрея Федоровича Лихачева (1832–1890) необычна и даже парадоксальна в истории науки и культуры Татарстана. Будучи самоучкой в археологии, он сделал очень много для пробуждения интереса к древностям края и к этой науке. Его стремления основывались на своеобразном сочетании просветительских идей и твердой убежденности в том, что современное ему провинциальное общество настолько равнодушно к высоким искусствам и наукам, что изменить его практически невозможно. По этой причине А.Ф. Лихачев категорически отказывался от предложений сделать его собрание публичным музеем, однако уже после его смерти оно стало таковым и тем самым обессмертило его имя.

А.Ф. Лихачев известен не только как коллекционер, но и как исследователь. Его археолого-исторические работы балансируют на грани науки и дилетантизма, резко диссонируя с нумизматическими исследованиями, выполненными на хорошем профессиональном уровне. Правильно оценить и те, и другие можно только поняв принципы исследовательского творчества А.Ф. Лихачева, его поиски собственного «научного» метода и нелегкий путь от чудака-собирателя до коллекционера-профессионала, сделавшего огромный шаг к серьезной науке.

Всестороннего исследования творческого наследия А.Ф. Лихачева за весь XX век так и не было осуществлено. Ученых и специалистов в первую очередь интересовала его огромная коллекция предметов археологии, этнографии, нумизматики, а также произведений живописи и графики [1, с. VI; 2, с. 80; 3, с. 12; 4, 5].

Всероссийскую известность А.Ф. Лихачеву еще при жизни принесла археологическая часть его собрания. Первым публичную оценку ее дал в конце 70-х годов XIX в. профессор Казанского университета С.М. Шпилевский. Ему же принадлежит и весьма лестная характеристика самого собирателя: «новейшим и самым богатым собранием болгарских древностей в настоящее время представляется принадлежащее А.Ф. Лихачеву в Казани; это собрание замечательно особенно потому, что составлено не только любителем, но и образованным специалистом-знатоком, который определяет значение приобретаемых им вещей с научной точки зрения и старается сделать свое собрание известным ученому миру, описывая и ученым образом исследуя его» [6, с. 267]. Заметим, что Шпилевский не называет Лихачева археологом, а характеризует своеобразно – «специалист-знаток», обходя вниманием исторические интерпретации и реконструкции, которые Лихачев ставил себе в заслугу, то есть подчеркивая исключительно коллекционный аспект его деятельности.

Более детальную научную интерпретацию лихачевской археологической коллекции дал М.Г. Худяков [7], назвав при этом коллекционера археологом-теоретиком. Собственно, с М.Г. Худякова и начинается своя история в литературе восприятие А.Ф. Лихачева как археолога. Впоследствии это стало восприниматься как факт.

Упоминание артефактов из лихачевского собрания – не редкость в различных публикациях XX в. Этим к настоящему времени и ограничивается научная оценка археологической коллекции А.Ф. Лихачева. Стоит добавить, что ценность приобретенных А.Ф. Лихачевым археологических предметов бесспорна и значение их не только не снизилось в XX – начале XXI в. в период активного археологического изучения территории Татарстана, но, напротив, только возросло, учитывая уникальную сохранность и разнообразие имеющихся в собрании артефактов. А вот исследовательская сторона его деятельности оказалась забыта и лишь эпизодически затрагивается в историографических обзорах.

О творческой лаборатории А.Ф. Лихачева можно судить по его письменному наследию. Он создал немало статей, которые сейчас в большинстве случаев представляют только историографический интерес, но отдельные сюжеты в них, имеющие вещеведческий характер, не устарели. А.Ф. Лихачев старательно сохранял не только последние варианты статей и очерков, но и немалую часть набросков к ним (I–IV), а также рабочие материалы (V). В этом контексте ценным источником являются сохранившиеся черновики и оригиналы писем Лихачева (VI, VII). Таким образом, мы располагаем достаточно представительной выборкой материалов, позволяющей охарактеризовать процесс его творчества<sup>1</sup>.

Прежде чем перейти к анализу этого сюжета, стоит обсудить один принципиальный вопрос: кем все же был А.Ф. Лихачев – коллекционером или ученым? Без всякого сомнения, прежде всего он являлся коллекционером. Красноречиво об этом свидетельствуют следующие строки из письма А.А. Кунику: «...Расставаться с предметами которыми я дорожу как святыней (здесь и далее курсив наш. – К.Р.), в пользу общества более чем равнодушно к ним относящегося,

<sup>1</sup> Некоторые аспекты этой темы были рассмотрены нами ранее (см. [8, с. 362–374]).

было бы очень тяжелым»<sup>1</sup> (VII, письмо от 23.03.1873, л. 1 об.). Вместе с тем сам Лихачев просто любителем-собирателем себя не считал, хотя иногда фигурирует в его письмах и такая самооценка – «любитель-коллекционер». Любителей в собирательстве он характеризовал негативно: «любители похожи на хищных птиц: их так же привлекает запах трупа. Разница только в добыче, которую получают и те, и другие» (VII).

Общался он с очень немногими коллекционерами. К таким, например, относился И.В. Шишкин, отец знаменитого художника [9, с. 152–153]. Впрочем, интерес А.Ф. Лихачева к нему не был лишен расчета – Шишкин еще в 1858 г. раскапывал Ананьинский могильник, материалы которого очень интересовали Лихачева, при том что в Казани к коллекциям с этого памятника у него не было доступа.

Обладая немалыми финансовыми средствами, А.Ф. Лихачев поддерживал и, можно даже сказать, создал налаженную сеть специальных агентов по археологическим предметам, которые скупали у местного населения древности и доставляли в Казань. С.М. Шпилевский писал, что в Болгарах «все более важные находки, по заявлению крестьян, препровождаются в г. Казань А.Ф. Лихачеву, который пользуется в селе большою известностью» [6, с. 584]. Благодаря этому за два десятилетия он стал обладателем огромной уникальной коллекции древностей, которой не было равных в регионе в тот период. Впрочем, подобная практика существовала и до Лихачева. Так, К.Н. Бестужев-Рюмин<sup>2</sup> писал о профессоре С.В. Ешевском, читавшем в 1855–1857 гг. лекции в Казани, что он «завел в разных местах корреспондентов, от которых доставал как этнографические предметы, так и древности. Таким образом, у него собралась небольшая, но хорошенькая коллекция болгарских и пермских древностей» [10, с. LI].

Небольшие и вполне успешные археологические экскурсии совершал сам А.Ф. Лихачев в окрестностях Казани и близ семейного имения в с. Полянки и отошедшего ему после раздела наследства с. Березовки<sup>3</sup>, где бывал практически каждое лето<sup>4</sup>. Эти мероприятия не сопровождались ни полевыми описаниями, ни научными отчетами<sup>5</sup>. Да и полевая археология в целом мало привлекала А.Ф. Лихачева. В большинстве случаев он нанимал людей, которые выходили на указанное им место, сведения о котором ему предоставляли те же агенты, и производили там сбор материала, а возможно, и какие-то раскапывания<sup>6</sup>. В этом смысле наделять А.Ф. Лихачева качествами археолога-полевика неправильно, как и утверждать (что нередко встречается в статьях о нем), что он лично проводил

<sup>1</sup> В цитате сохранена пунктуация источника.

<sup>2</sup> Константин Николаевич Бестужев-Рюмин (1829–1897) – русский историк, один из основателей отечественной школы источниковедения.

<sup>3</sup> Сам Лихачев чаще всего сборами материала не занимался, а получал его от непосредственных находчиков – крестьян [12, с. 110].

<sup>4</sup> О находках из этой местности есть отметки в указателе к археологической выставке к IV Археологическому съезду в Казани, где были представлены материалы из коллекции А.Ф. Лихачева, воспроизведенные в Своде А.С. Уварова [13, с. 10–12].

<sup>5</sup> А.Ф. Лихачев свои сборы артефактов называл «вытаскиванием» (VIII, с. 33), то есть он не раскапывал, а просто выдергивал находки из обрыва или обнажения берега.

<sup>6</sup> Так, например, были получены А.Ф. Лихачевым интересные кремневые орудия со стоянки «Вороний куст» в Казани, по поводу которых у него возник конфликт с коллегами из Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете (см. [8, с. 332, 333], а также (VII, л. 30)).

археологические раскопки в Казанской губернии. Этим он не занимался<sup>1</sup>, чему в литературе находим следующее объяснение: «по характеру своего дарования А.Ф. Лихачев был теоретиком, кабинетным ученым, поэтому он редко производил раскопки» [7, с. 8]. Однако это не совсем так: тяга к поиску, к находкам была присуща Андрею Федоровичу, о чем свидетельствуют материалы его коллекции, а «затворничество» было обусловлено тем, что он с юности имел слабое здоровье, потому полевых исследований не проводил и, в отличие от других казанских ученых, никогда не запрашивал документы на их производство [14, с. 833]. Таким образом, А.Ф. Лихачев археологом в строгом смысле не был, скорее его можно назвать коллекционером-исследователем [15].

Сложность отношения к А.Ф. Лихачеву казанских ученых объясняется тем, что он «вторгался» в науку именно как исследователь. Например, в основе исторической части его работ лежала достаточно новая для того времени болгарская «чувашская теория». Однако в российской историографической традиции, идущей от XVIII в., волжские болгары связывались непосредственно с дунайскими болгарами в рамках общей, славянской гипотезы их происхождения. Эта гипотеза была частью российской славистики как научного направления и имела обширную историографию и длительную историю [8, с. 354]. Казанские историки интерпретации Лихачева просто не «заметили». Не нашли поддержки и попытки А.Ф. Лихачева связать археологические находки с его историческими поисками этнических корней болгар. В сущности, артефакты были только иллюстрацией к его гипотезе, но не основой для выводов.

Археологическая же сторона изысканий А.Ф. Лихачева воспринималась также неоднозначно. Открытой полемики с Андреем Федоровичем не было, но темы, которые он изучал, параллельно разрабатывались другими учеными, приходившими к иным выводам [8, с. 343, 344]. С Лихачевым было трудно соперничать в вопросах знания конкретных вещей. Археологический материал, если он добывается в результате полевых работ – раскопок и разведок, накапливается очень медленно, и должны пройти годы, а то и десятилетия, чтобы образовалась представительная серия различных категорий изделий. А без этого невозможны ни сопоставления, ни выводы. А.Ф. Лихачев пополнял свою коллекцию такими темпами, что намного опережал всех своих коллег. И его аргументы в этом отношении опровергнуть было сложно<sup>2</sup>. Этот субъективный фактор, конечно, также нельзя игнорировать, анализируя взаимоотношения Лихачева с его казанскими коллегами по археологическим штудиям и коллекционированию. В этой связи возникает следующий вопрос: насколько самостоятелен был А.Ф. Лихачев в своих научных изысканиях?

Интеллектуальная среда провинциальной Казани была не самой благоприятной для Лихачева. В конце 80-х годов XIX в. А. Дмитриев писал: «имя казанского археолога А.Ф. Лихачева, обладателя богатейшей коллекции болгарских древностей, пользуется у них всеобщей почетной известностью» [16, с. 5]. Насчет

<sup>1</sup> Небольшие эпизоды с раскопками в Казанской губернии относятся к Н.П. Лихачеву – племяннику А.Ф. Лихачева.

<sup>2</sup> К сожалению, полностью реализовать свои замыслы Лихачев не успел. В его черновиках сохранились наброски тематических обзоров, в частности, по наконечникам стрел, в рамках большой темы о каменных орудиях и оружии (скорее всего, под влиянием работ П.И. Лерха) [8, с. 360]. Попытки типологизации были предприняты им при анализе сельскохозяйственных болгарских орудий и т. п.

известности можно согласиться, а вот насчет почетной – вряд ли. Сам Андрей Федорович по этому поводу высказывался весьма скептически: «до сих пор моя деятельность почти ни в ком не встречала себе ни подмоги, ни сочувствия» (VI, письмо П.И. Лерху).

Известность лихачевского собрания, которое стало визитной карточкой ученой Казани в 70–80-х годах XIX в., не могла не вызывать раздражения у университетских ученых. Усугублялось это и тем, что собиратель позиционировал свой материал именно как частную коллекцию, а не как музей. Доступ к коллекции, которая находилась у него дома, был весьма ограниченным и зависел от распорядка дня А.Ф. Лихачева. А работал он над статьями и исследовал собранные им вещи, как правило, всю ночь до утра, и пробуждался уже после обеда. Нередко коллекционер по этой причине отменял назначенные визиты даже своих близких знакомых, нарушая предварительные договоренности. В целом он охотно предоставлял возможность свободного доступа к коллекции только маститым ученым для поддержания своего имиджа, что ему блестяще удавалось.

Замкнутость и болезненность А.Ф. Лихачева также не способствовали формированию позитивного к нему отношения. И хотя он состоял практически во всех общественных организациях Казани, имевших отношение к археологии и нумизматике, абсолютного признания его в казанском ученом мире не было. Более того, его противники нередко достаточно бесцеремонно отказывали А.Ф. Лихачеву в работе с археологическими артефактами и монетами в музее ОАИЭ<sup>1</sup>, памятуя о его правилах в отношении своего собрания. Так что в научной Казани Андрей Федорович был одинок<sup>2</sup>. Это отчуждение было хорошо заметно на фоне обилия археологических публикаций, которые выходили в Казани в 70–80-х годах, при отсутствии в изданиях ОАИЭ и Общества естествоиспытателей крупных статей А.Ф. Лихачева<sup>3</sup> по археологии. Единственным исключением был его очерк «Скифский след на Билярской почве» в «Известиях ОАИЭ» (см. [11]).

На заседаниях ОАИЭ А.Ф. Лихачев выступал нечасто. В протоколах Общества зафиксирована информация о сообщении коллекционера, сделанном 4 сентября 1878 г. по его настоянию в связи со скандалом вокруг открытия стоянки «Вороний куст»<sup>4</sup> [18, с. 23]. В архиве А.Ф. Лихачева сохранился текст его выступления (IX). Полный реферат этого сообщения им так и не был подготовлен для публикации по причине «продолжительного нездоровья». Однако спустя год, 5 ноября 1879 г., А.Ф. Лихачев выступил в ОАИЭ на Общем собрании с развернутым аналитическим докладом об этом открытии, а также подготовил обширную статью (X, VIII, XI) с переводом ее на французский язык. За месяц до этого, 4 октября 1879 г., А.Ф. Лихачев присутствовал на Общем собрании

<sup>1</sup> В мае 1887 года А.Ф. Лихачев обратился с письмом о разрешении ему пользоваться собранием музея при Обществе. На заседании Совета по этому вопросу возникли прения (!) и было решено: «Уведомить А.Ф. Лихачева, что музей Общества в настоящее время не имеет хранителя, коллекции его не приведены в известность, не записаны в каталогах, даже частью не разобраны, и что с наступлением vacationного времени, т. е. с 1 июня, музей необходимо должен быть закрыт до осени...» [17, с. XX, XXI]. Тем не менее, отказав А.Ф. Лихачеву, Совет слукавил: он просил своего Председателя проф. Н.Н. Булича договориться с А.Ф. Лихачевым о дне и часе его посещения музея до 1 июля, а также присутствовать при этом посещении музея Лихачевым.

<sup>2</sup> Казанское научное сообщество даже не откликнулось на смерть А.Ф. Лихачева – как бы не заметило.

<sup>3</sup> Небольшие заметки А.Ф. Лихачева в «Известиях...», в основном по нумизматике (см., например, [18, с. 111–127]).

<sup>4</sup> 31 октября 1878 г. эта тема освещалась в докладе П.И. Кротова [18, с. 24].

Общества и был инициатором небольшой дискуссии по докладу П.Д. Шестакова об Ананьинском могильнике, подготовленному по материалам публикаций И.Р. Аспелина<sup>1</sup>. Суть разногласий касалась частного вопроса: могли ли быть на могильнике золотые изделия<sup>2</sup> [18, с. 72, 73]. В этом споре, как показали данные современной науки, А.Ф. Лихачев оказался прав<sup>3</sup>. По протоколу заседания мы можем проследить, как выстраивалась логика аргументации А.Ф. Лихачева: 1) апелляция к своему собранию и личному опыту коллекционера; 2) ссылка на собственные гипотезы; 3) ссылка на авторитеты. Этот пример демонстрирует, с одной стороны, эрудицию Лихачева, с другой – преимущественное использование материалов, доступных только ему. К сожалению, исследовать эту важную тему детально практически невозможно: по состоянию здоровья в 80-е годы Лихачев почти перестал выступать с рефератами и докладами даже на археологических съездах. Последнее публичное выступление А.Ф. Лихачева в ОАИЭ состоялось в 1884 г. [21, с. 20].

А.Ф. Лихачев не был лидером в науке, точнее, не стремился, да и не мог им быть. Он прекрасно осознавал ценность собранного им, гордился этим. Весь его мир заключался в коллекции, ее умножении и совершенствовании: «до сих пор по свойственной *любителю-коллекционеру жадности*, все казалось, что она (коллекция. – *К.Р.*) еще недостаточно обширна, что бы обратить на себя внимание ученых. Впрочем, я употребляю всякое старание, что бы она постоянно увеличивалась»<sup>4</sup> (VI, письмо В.Г. Тизенгаузену, 6.02.1867). Ему, конечно, хотелось признания ценности своего собрания, оценки его усилий в этой области в профессиональной среде: «мои коллекции местных болгарских древностей в настоящем своем виде *настолько замечательны в ученом отношении*, что их игнорировать *не следовало бы*» (VI, письмо П.И. Лерху, 24.11.1871). Большого ему и не нужно было.

В своих научных изысканиях и полученных выводах Лихачев постоянно сомневался, стоило ему от эмпирических наблюдений перейти к обобщениям и теории, да и к собственно археологии. Он прекрасно это осознавал, поэтому обращался за литературой, советами к своим знакомым из археологического ученого мира. В этом, пожалуй, заключалась особенность А.Ф. Лихачева как коллекционера-исследователя.

Были и другие, не менее веские, основания для непонимания и неприятия А.Ф. Лихачева в казанском научном сообществе. Дворянин Лихачев не гармонировал с разночинной по своему составу университетской профессурой и неуниверситетскими членами ОАИЭ. Кроме того, семья Лихачевых в конце XVIII – середине XIX в. была хорошо известна в дворянском обществе Казанской губернии

<sup>1</sup> Иоганн Рейнгольд Аспелин (1842–1915) – финский археолог, профессор Гельсингфорского университета. В 1887–1889 гг. руководил Финляндской археологической экспедицией. Неоднократно бывал в Поволжье, в том числе и в Казани, на Урале и в Сибири.

<sup>2</sup> В 1872 г. И.Р. Аспелин купил у крестьян д. Ананьино золотую серьгу, он предполагал, что она происходит из могильника. Всего ученым за несколько лет было приобретено более 600 предметов из Ананьинского могильника для Национального музея Финляндии. Как писал Аспелин, его покупки артефактов у крестьян деревни были причиной гибели этого археологического памятника [19, с. 15].

<sup>3</sup> Серьга ныне хранится в Национальном музее Финляндии [19, с. 23]. Судя по аналогиям, она действительно относится к этому памятнику [20, с. 166]. В остальном все, что касалось атрибуции Ананьинского могильника А.Ф. Лихачевым и связанной с ней аргументации, оказалось ошибочным.

<sup>4</sup> В цитате сохранена орфография и пунктуация источника.

как организатор (с 1776 г.) в Казани масонской Ложы Восходящего Солнца [22, с. 508, 556; 23, с. 101–108]. С масонами были связаны и родители А.Ф. Лихачева.

Но вернемся к А.Ф. Лихачеву. Обвинения в непрофессионализме (распространении «отсталых» теорий и незнании современной археологической научной литературы) звучали в его адрес в казанской периодике 80-х годов XIX в. Причем полемизировали с ним преимущественно археологи-краеведы, например, П.А. Пономарев, статью которого Лихачев назвал «необоснованной инсинуацией» (VI, л. 16).

Тем не менее круг археологического общения у А.Ф. Лихачева все же был. Но не казанский. Наиболее дружеские отношения у него сложились с П.И. Лерхом – известным петербургским ориенталистом, археологом, прекрасным знатоком восточной нумизматики [24, с. 73–77] и к тому же практически ровесником А.Ф. Лихачева. Судя по переписке, А.Ф. Лихачев обращался к нему по самым разным вопросам, делился своими наблюдениями и рассуждениями на научные темы, временами достаточно наивными. Влияние П.И. Лерха на Лихачева было велико. Выбором направления исследовательских поисков – первобытные древности (каменного века), Ананьинский могильник – А.Ф. Лихачев, очевидно, обязан именно ему<sup>1</sup>.

Не менее активной была переписка А.Ф. Лихачева с А.С. Уваровым (1825–1884), также занимавшимся каменным веком<sup>2</sup>, и его супругой П.С. Уваровой (1840–1924). Именно уваровская концепция «бытовой истории» [24, с. 79] была положена в основу идеи и структуры самого известного сочинения А.Ф. Лихачева – работы «Бытовые памятники Великой Булгарии», вышедшей в трудах II Археологического съезда. А.Ф. Лихачев писал о замысле статьи А.С. Уварову следующее: «В историческом исследовании моем о народности древних Булгаров я пытался выяснить насколько мог *этнографическую личность этого народа* и думал возможным отыскать их потомков между чувашами» (VII, письмо от 28.02.1869, л. 3). Обратим внимание на то, что свое исследование А.Ф. Лихачев называет историческим, а не археологическим.

Вообще А.Ф. Лихачев вел обширную переписку. Его корреспондентами были также Д.В. Григорович, Н.П. Кондаков, В.Г. Тизенгаузен, В.В. Вельяминов-Зернов и др. Как бы то ни было, но ни казанская научная среда, ни столичная (петербургская и московская) «исторические розыскания» А.Ф. Лихачева не принимали – ссылок на его археологические работы практически нет<sup>3</sup>, в отличие от нумизматических публикаций и сюжетов о кладах. Собственно, такое отношение сохранялось и в последующем. В этом не было ничего удивительного, поскольку фундаментальный свод С.М. Шпилевского, опубликованный в 1877 г.,

<sup>1</sup> Любопытен и другой факт. П.И. Лерх, закончивший в 1850 г. Петербургский университет, учился вместе с Н.Г. Чернышевским по восточному разряду историко-филологического (тогда – философского) факультета и даже был его близким товарищем [25, с. 86–87]. Именно через него А.Ф. Лихачев, вероятно, узнал малоизвестную информацию о Н.Г. Чернышевском и его диссертации, а также о тех прениях, которые сопровождали работы Н.Г. Чернышевского в университете [26, с. 221]. Это отразилось в лихачевских записках и бумагах, где он достаточно резко отзывался о выдающемся разночинце.

<sup>2</sup> А.С. Уваров был знаком с материалами коллекции А.Ф. Лихачева и использовал их в своих работах [13, с. 110–112].

<sup>3</sup> В сообщениях и докладах в основном обращались к устным выступлениям А.Ф. Лихачева, а их было немного (см. [18, с. 134]). А.С. Уваров ссылается на мнение А.Ф. Лихачева по атрибуции ряда предметов, сделанных из камня [13, с. 12].

отодвинул на задний план работу А.Ф. Лихачева, выступавшую в качестве источника по болгарской истории и археологии. Причем слабость исторической части лихачевского сочинения, к сожалению, перевесила источниковедческую ценность археологической.

Таким образом, ключ к творческой стороне жизни А.Ф. Лихачева лежит не в его исторических поисках, а в археологическом источниковедении<sup>1</sup>. Содержавшаяся в образцовом порядке коллекция была настоящим полигоном для творческого поиска Лихачева. Например, небольшие по размеру предметы (бусы, украшения), как правило, крепились им на листы плотной бумаги прямоугольной формы (14 × 9 см). Картонки были пронумерованы и подписаны: на них были сделаны краткие аннотации и иногда приводились ссылки на литературу. В случае если материал использовался в публикации (или имелась соответствующая запись в каталоге коллекции), давалась ссылка на страницу (XII, № 5542-3).

А.Ф. Лихачев проводил первичную обработку материала достаточно профессионально, выработав свои приемы описания и совместив его со вторым элементом начального анализа – поиском аналогий. Интуитивно Лихачев достаточно хорошо ориентировался в материале, однако здесь его подводило творчество – он интерпретировал артефакты, исходя из собственных умозаключений, что было характерно для коллекционеров того времени.

Обилие и разнообразие материала в коллекции привели А.Ф. Лихачева к своеобразному выводу о том, что все они образуют некую единую непрерывную археологическую культуру, развивавшуюся от каменного века и до этнографического времени. Концептуально это оформилось в нескольких больших проблемных статьях, из которых выделяется одна, посвященная средневековым древностям – «Бытовые памятники Великой Булгарии» [27]. Сохранилось три ее варианта. Называются они по-разному: «Великая Булгария» (I), «История Великой Булгарии» (XIII) и «Культура Великой Булгарии» (XIV). Датирована только одна рукопись – «Культура Великой Булгарии»: Казань, 12 ноября 1871 г., которая, собственно, и является черновиком опубликованной спустя 5 лет статьи. Рукопись «Великая Булгария» – проспект следующей «исторической» работы – «История Великой Булгарии». Жанр их своеобразен. Автор берет проблему и пытается с помощью конкретных фактов, исторических или археологических, а также аналогий ее решить. Так, побудительной причиной к написанию очерка «Культура Великой Булгарии» стал вопрос, сформулированный на II Археологическом съезде в Петербурге: «являются ли древности в Булгаре только древностями мусульманской культуры?» (XIII, с. 1). В сопроводительном письме к тексту «Культура Великой Булгарии» А.Ф. Лихачев пишет, что статья «есть краткий вывод из исторических известий о Булгарах и из фактов, открывающихся посредством памятников древнего быта. Я пытался обрисовать *автономическую личность* и разобрал их культуру» (V, л. 50 об.).

В очерке «История Великой Булгарии» акцент делается на исторической реконструкции «общественного быта болгар» с привлечением данных письменных источников и особенно нумизматического материала из собственной

<sup>1</sup> В отечественной археологии XX в. тема археологического источниковедения специально разрабатывалась крупнейшими и авторитетнейшими специалистами – Г.А. Федоровым-Давыдовым, Л.Р. Кызласовым, Ю.Л. Шаповой.



коллекции Лихачева (XIII, с. 157). Очерк «Великая Булгария» – это своего рода конспект или расширенный план очерка «История Великой Булгарии». Он написан аккуратно, с малым количеством исправлений и с очень небольшим числом ссылок. Содержание его менее подробно – отсутствуют многие размышления и предположения, включенные в последующую работу. Кроме того, здесь представлены достаточно обширные и красочные описания различных эпизодов. Так, в комментариях к описанному Ибн Фадланом случаю совместного купания мужчин и женщин в Булгарии (как пример женской эмансипации) А.Ф. Лихачев весьма подробно описывает купальни в Венеции (I, с. 40–42). В работе имеются и вклейки (например, между страницами 76 и 77).

Сам по себе процесс написания очерка состоял из следующих этапов. Определялась идея, которая затем отрабатывалась с привлечением различной литературы. Намечались дискуссионные вопросы, например, полемические обращения к И.И. Срезневскому<sup>1</sup> (о городищах и культовых местах<sup>2</sup>), П.Й. Шафарику<sup>3</sup> (о славянских древностях), Ю. Венелину<sup>4</sup> (о булгарах-славянах) (V, л. 132–133, 151–158, 179–196, 232–249). Готовились конспекты и выписки, например, сохранился конспект статьи Д. Кавелина «Опустошение г. Булгара Тамерланом» из журнала «Иллюстрация», т. II, № 4 и 5 за 1846 г. (V, л. 256–258). Составлялся список литературы, в который включались разные по качеству содержания материалы: исследования, путевые очерки, заметки, компиляции, в том числе литература на немецком языке (V, л. 260). Этот этап включал также написание сюжетных заметок, например о городищах «Великой Булгарии» (V, л. 271–272). Для археологической части делались описания вещей (V, л. 206–215).

Однако даже такой серьезный подход к делу и солидный научный потенциал не помогли А.Ф. Лихачеву соединить исторические интерпретации и археологию. В его поисках исторической истины археология явно проигрывала. Это и обусловило восприятие в целом его сочинений в этой области как любительских.

Итак, исследовательское творчество Лихачева свидетельствует о высоком уровне реализации его возможностей как коллекционера и о сделанных им первых шагах в качестве начинающего ученого-специалиста. Он вышел за рамки простого собирательства, хотя суть его действий в отношении коллекционирования от этого не изменилась. Для того чтобы стать ученым-гуманитарием, Лихачеву не хватало специального образования. Анализировать и систематизировать сообщения древних авторов он не умел. А между тем метод историка не допускает априорных построений и неаргументированной критики [26, с. 246]. Не хватило Лихачеву времени овладеть и археологическими методами исследования.

А.Ф. Лихачев пытался решить средствами археологии задачу исторического плана, заведомо неразрешимую, за которую взялся, будучи в этом отношении

---

<sup>1</sup> Измаил Иванович Срезневский (1812–1880) – русский филолог-славист, этнограф, палеограф, академик Петербургской академии наук.

<sup>2</sup> В какой-то степени это было своеобразным ответом на выступления и полемику, которую вел по этим вопросам И.И. Срезневский на II Археологическом съезде [28, с. 55, 58].

<sup>3</sup> Павел Йозеф Шафарик (1795–1861) – выдающийся деятель чешского и словацкого национального возрождения, историк и филолог, поэт и переводчик, журналист и литературовед, библиотечарь и библиограф, автор монографии «Славянские древности» (1837).

<sup>4</sup> Юрий Иванович Венелин (1802–1839) – российский и болгарский историк и публицист, один из создателей славистики.

непросвещенным. Анализ его творческой лаборатории показал, что он являлся прежде всего коллекционером-исследователем. Причем в области вещеведения он вышел на весьма высокий уровень знания. Психология собирателя и некоторые личные качества не позволили ему развить эти способности до профессионального уровня. Роковыми в этом плане оказались его собственные гипотезы и отсутствие полевой археологической практики. Тем не менее А.Ф. Лихачева следует рассматривать как знаковую фигуру одного из формирующихся направлений казанской науки – археологического. Особо подчеркнем, что он одним из первых заявил на общероссийском уровне об интеллектуальном потенциале российской провинции в сфере археологии, о наличии здесь людей, способных не только собирать артефакты, но тщательно и профессионально их изучать.

### Summary

*K.A. Rudenko. Creative Laboratory of A.F. Likhachev: From a Collector to a Scientist.*

This article investigates and interprets the research method of the Kazan collector A.F. Likhachev. In the history of Tatarstan culture, he is known as an original collector/researcher, who tried to transform archeological artifacts into a historical source. His works were based on a profound knowledge of the archeological objects of his collection, although he was not a professional archeologist. The greatest service of A.F. Likhachev was that he showed at the all-Russian level the opportunities and achievements of the provincial science.

**Key words:** A.F. Likhachev, A.A. Shtukenberg, P.I. Krotov, N.F. Vysotsky, collecting, collection, archeology, numismatics, local history, museum.

### Источники

- I – ОРРК НБ КФУ (Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского федерального университета). Ед. хр. 167. Лихачев А.Ф. Великая Булгария. – 243 с.
- II – ОРРК НБ КФУ. Ед. хр. 168. Лихачев А.Ф. Великая Булгария (вариант 1). – 190 с.
- III – ОРРК НБ КФУ. Ед. хр. 169. Лихачев А.Ф. Великая Булгария (вариант 2). – 150 л.
- IV – ОРРК НБ КФУ. Ед. хр. 170. Лихачев А.Ф. Великая Булгария (вариант 3). – 80 л.
- V – ОРРК НБ КФУ. Ед. хр. 185. [Лихачев А.Ф.] Выписки к «Истории Великой Булгарии». – 348 л.
- VI – НМ РТ (Национальный музей Республики Татарстан). Фонд письменных источников. Папка 20а.
- VII – НМ РТ. Фонд письменных источников. Папка 20б. Инв. № 120181.
- VIII – ОРРК НБ КФУ. Ед. хр. 164. Лихачев А.Ф. О следах каменного века в окрестностях Казани. – 78 с.
- IX – ОРРК НБ КФУ. Ед. хр. 160. Лихачев А.Ф. Предварительное сообщение о сделанном мною открытии первобытного приозерного поселения каменного века, со следами выделок на месте каменных орудий, близ Казани в августе 1878 г. Доклад 4 сентября 1878 г. – Казань, 1878. – 15 л.
- X – ОРРК НБ КФУ. Ед. хр. 161. Лихачев А.Ф. О двух новооткрытых местах на заливной долине р. Волги близ Казани, где находятся следы каменного века. Сообщение на Общем собрании ОАИЭ 15.XI.1879 г. – Казань, 1879. – 58 с.
- XI – ОРРК НБ КФУ. Ед. хр. 162. [Лихачев А.Ф.] Выписки к статье «Следы каменного века близ Казани». – 34 с.

- XII – НМ РТ. Фонд археологии. Коллекция А.Ф. Лихачева. Вещи на планшетах. Инв. № 5542.
- XIII – ОРРК НБ КФУ. Ед. хр. 166. Лихачев А.Ф. История Великой Булгарии. – 332 с.
- XIV – ОРРК НБ КФУ. Ед. хр. 165. Лихачев А.Ф. Культура Великой Булгарии. Исследования и описание. – Казань, 1871. – 49 с.

### Литература

1. Краткий указатель коллекций отдела имени А.Ф. Лихачева в Казанском городском музее. – Казань: Электр. тип. Л.П. Антонова, 1905. – 64 с.
2. *Ледяева М.В.* Этнографическое собрание Национального музея Республики Татарстан: из истории формирования коллекций // Материалы Лихачевских чтений. – Казань, 2008. – С. 79–84.
3. *Сингатуллина А.З.* Джучидские монеты Поволжских городов XIII века. – Казань: Заман, 2003. – 192 с.
4. *Сингатуллина А.З.* Золотые монеты из коллекции А.Ф. Лихачева // Материалы Лихачевских чтений (к 175-летию со дня рождения А.Ф. Лихачева). – Казань, 2007. – С. 120–125.
5. Завещано Казани... Произведения изобразительного искусства из собрания А.Ф. Лихачева / Сост. О. Вербина, Е. Ключевская, И. Лобашева. – СПб.: Славия, 2009. – 280 с.
6. *Шиловский С.М.* Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. – Казань, 1877. – 585 с.
7. *Худяков М.Г.* А.Ф. Лихачев как археолог // Казанский музейный вестник. – № 2. – Казань, 1922. – С. 3–34.
8. *Руденко К.А.* Волжские булгары в зеркале истории (X – XIX вв.). – Казань: Школа, 2007. – 418 с.
9. *Курьлева Н.И.* Музей семьи Шишкиных // Личность – музей – общество: грани взаимодействия: Дьяконовские чтения. К 100-летию со дня рождения В.М. Дьяконова. – Казань: Школа, 2006. – С. 151–156.
10. *Бестужев-Рюмин К.Н.* Степан Васильевич Ешевский (биографический очерк) // Сочинения С.В. Ешевского. – М., 1870. – Ч. I. – С. III–LXXXVII.
11. *Лихачев А.Ф.* Скифский след на Билярской почве // Известия ОАИЭ. – Казань, 1884. – Т. V. – С. 1–33.
12. *Лихачев А.Ф.* О некоторых археологических находках в Казанской губернии // Труды VII Археологического съезда в Ярославле в 1887 г. – М., 1890. – С. 109–124.
13. *Уваров А.С.* Археология России. Каменный период. II. Приложение. – М.: Синод. тип., 1881. – 125 с.
14. Императорская Археологическая комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. – СПб.: Буланин, 2009. – 1192 с.
15. *Игнатьева О.В.* Образ провинциального коллекционера-исследователя второй половины XIX в. (на примере А.Е. Теплоухова и А.Ф. Лихачева) // Материалы Лихачевских чтений. – Казань, 2008. – С. 14–20.
16. *Дмитриев А.А.* Древний Булгар и татарские о нем предания. – Казань: Тип. Губ. правления, 1888. – 32 с.
17. Из протоколов заседаний Совета и Общих собраний Общества археологии истории и этнографии при Императорском казанском университете // Изв. ОАИЭ. – Казань, 1887. – Т. VI, Вып. 2. – С. I–XLIII.

18. Протоколы заседаний ОАИЭ и Приложения к ним // Изв. ОАИЭ. – Казань, 1880. – Т. II. – С. 31–183.
19. *Карпелан К., Уйно П.* Очерк о коллекции вещей из Ананьинского могильника близ Елабуги в Национальном музее Финляндии // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника). – Елабуга, 2009. – С. 13–23.
20. *Руденко К.А.* Остров «Мурзиха» и его окрестности. Хронол. атлас археол. коллекций НМ РТ (1991–1999 гг.). Опыт микрорегион. исслед. – Казань: Школа, 2002. – 208 с.
21. Протоколы заседаний Общих Собраний Общества // Изв. ОАИЭ. – Казань, 1884. – Т. V. – С. 9–62.
22. *Пытин А.Н.* Русское масонство: XVIII и первая четверть XIX в. (Исследования и материалы по эпохе Екатерины II и Александра I). – Петроград: Огни, 1916. – 583 с.
23. *Бобров Е.А.* Литература и просвещение в России XIX в.: Материалы, исслед. и заметки. – Казань: Тип. Казан. ун-та, 1902. – Т. III. – 200 с.
24. *Платонова Н.И.* История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. – СПб.: Нестор-История, 2010. – 314 с.
25. *Лунин Б.В.* Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. – Ташкент, 1965. – 408 с.
26. *Мяжков Г.П.* Научное сообщество в исторической науке. Опыт «русской исторической школы». – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. – 297 с.
27. *Лихачев А.Ф.* Бытовые памятники Великой Булгарии // Труды II Археологического съезда. – СПб., 1876. – Вып. 1. – С. 1–50.
28. Труды II Археологического съезда в С.-Петербурге. – СПб., 1881. – Вып. 2. – 76 с.

Поступила в редакцию  
10.12.11

---

**Руденко Константин Александрович** – доктор исторических наук, профессор Казанского государственного университета культуры и искусств.

E-mail: [murzih@mail.ru](mailto:murzih@mail.ru)